

Елена Арсеньева

ОСТРОВ ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

"ГОРОДИШКО"

Городишко

Елена Арсеньева

Остров потерянных душ

«Елена Арсеньева»

2014

Арсеньева Е. А.

Остров потерянных душ / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2014 — (Городишко)

Чудилось, весь мир утонул в тумане: и Городишко, и загадочный остров посреди реки, и федеральная трасса... Валерка сидел на причале, как вдруг услышал странный разговор на реке, а затем увидел оставленную без присмотра лодку. Но куда делся ее хозяин? В тумане растаял, что ли? И почему у лодки два глаза, причем открыт тот один, зелёный, то другой, синий?... И откуда взялась смешливая черноглазая девчонка по имени Ганка, которая ничего о себе не помнит, зато страшно боится красавца Юрана? Пытаясь отыскать ответы на эти вопросы, мальчишка узнает: в Городишке и рядом с ним происходит нечто очень серьезное. Во время тумана рядом с их городом исчезают люди, и спецслужбам пока не удалось отыскать никаких следов пропавших. Но Валерка, кажется, знает, кто станет следующей жертвой... «Остров потерянных душ» – первая книга серии «Городишко». Также в нее входят повести «Демоны зимней ночи», «Сын тумана», «Никто из преисподней» и «Лунный пес».

© Арсеньева Е. А., 2014

© Елена Арсеньева, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Елена Арсеньева

Остров потерянных душ

Для обложки использован фрагмент картины Гервасио Галлардо «Фантастические миры»

Туман поглощал все, что только мог поглотить. Иногда Валерке казалось, что в мире ничего больше нет, кроме этого тумана. Что залег он не только на волжском берегу, где между лесом и широкой рекой притулился этот городишко, но и распростерся до самого Нижнего Новгорода. А то и дальше!

В Нижнем осталась Валеркина соседка по парте Зойка Семенова – и она теперь ничего не видит из-за этого же самого тумана. И в Париже, где проводит лето счастливица Юлечка Комарова по прозвищу Пугало, и даже на Дальнем Востоке, куда улетел Володька Зиновьев, тоже туман...

Валерке очень хотелось бы думать, что все одноклассники тоже в тумане, всем им тоже сыро, скучно и противно. На самом деле – он в этом ничуть не сомневался! – они, конечно, вовсю наслаждались каникулами. И только Валерка, у которого родители срочно уехали в длительные служебные командировки, попусту тратил свою молодую жизнь в городишке, где служил начальником полиции Сан Саныч Черкизов – Валеркин дядька. Он не любил, когда его называли «дядя Саша», поэтому племянника давным-давно предупредил, чтоб звал его только по имени-отчеству, а то друзьями они никогда не станут.

Тут с именами и названиями вообще было забавно.

Например, городишко так и назывался – Городишко.

– А что такого? – пожимал плечами Сан Саныч. – Слышал, есть город Городец? Есть – Городище. А у нас – Городишко.

Валерка подумал: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет!» Городишко – он городишко и есть. Маленький, грязненький и скучный. И на него иногда наваливается туман.

Валерке здесь совершенно нечем было заняться, а потому во время тумана он иногда сидел на старом причале, больше похожем на примитивные мостки на покосившихся сваях, и тарасился в белую пелену. Занятие это было однообразным, но не скучным, потому что туман вел себя не скучно.

Он то висел неподвижно, то начинал клубиться, как будто его кто-то помешивал изнутри. То ложился слоями: плотные, на вид ну просто-таки твердые, чередовались с зыбкими, почти прозрачными. А иногда туман начинал собираться хлопьями, как прокисшее молоко, если его вскипятить.

Но что никогда не менялось – так это полная, глухая, мертвая, можно сказать, тишина, которая воцарялась на берегу и на реке, лишь только ее заволакивала непроницаемая белая пелена.

– ...Ох, что-то мне тревожно сегодня! Скорей возвращайся, Уран! Будь с ним поосторожней!

Валерка чуть не свалился в воду! Женщина говорила словно бы совсем рядом с шатким причалом, на котором он посиживал.

В ответ прозвучал юношеский смешок:

– Да ладно, мама, ну не в первый же раз! Других привозил – и его обязательно привезу.

И опять стало тихо. Только чуть слышно журчала вода, разрезаемая килем чьей-то лодки.

В тумане, как известно, звуки разносятся далеко. То есть неизвестные путешественники могли находиться чуть ли не в сотне метров от берега.

Интересно, как они плывут, если не слышно ни шлепанья весел, ни рокота мотора?

По воле волн, что ли? Без руля и без ветрил?!

– Ха, – себе под нос пробурчал Валерка. – Что за фокусы?!

Давно он так не удивлялся! И было чему...

Надо сказать, что в Городишке порядка не существовало никакого, несмотря на усилия немногочисленной полиции. Народ браконьерничал, дрался, подворовывал друг у дружки; то и дело горели сараи, в которых коптили рыбу на продажу... Даже Сан Саныч не раз жаловался племяннику: «У нас здесь один сплошной и непрерывный беспорядок!» Единственное, что тут было в порядке, – это аккуратно постриженные деревья на улицах. И еще существовало правило, которое в Городишке всеми соблюдалось неукоснительно: никто – НИКТО, даже браконьер, даже спьяну – не выходил на реку в туман. Городишко словно вымирал. Если на закате небо заволакивала белесая дымка, а от небольшого острова посреди Волги начинала идти по воде мелкая рябь, то на другой день все сидели по домам.

Здесь издавна говорили: «Уйдешь в туман – не воротишься».

Проверять эту старинную мудрость на собственном опыте ни у кого не было охоты. А когда свежий человек – например, Валерка – начинал спрашивать, чем же так особенно страшен туман на реке, на него смотрели как на идиота.

Суда или лодки столкнутся, в коряжину плавучую врежутся, а то на берег выскочат. Поэтому слово «туман» означало не только «ничего не видно», но и «полная тишина на реке».

И вдруг – голоса! Кто-то плывет в лодке!

Но они же не видят ни черта, эти путешественники! Не заблудились бы!

А вдруг они врежутся в берег? Или течение пронесет их лодку мимо пристани, а там, чуть ниже Городишка, такая стремнина...

Однако беспокоиться оказалось не о чем. Валерка почувствовал, как причал легонько дрогнул, когда лодка уткнулась в сваю.

Валерка ждал, что будет дальше.

Приплывшие могли пройти метра три по колено в воде и выбраться на берег. Или взобраться на причал по косым сходням с поломанными перилами. Однако риск свалиться со сходен и промокнуть до нитки был очень велик, оттого нормальные люди предпочитали босиком или в сапогах прошлепать до берега.

Причал больше не дрожал – значит, на него никто не лез. Но и шлепанья по воде слышно не было – то есть к берегу никто не шел.

Что, эти двое, или сколько их там, по-прежнему в лодке сидят, что ли?

Валерка прислушался. Сквозь белую сыроватую тишину до него донеслось поскрипывание гальки под чьими-то уверенными шагами. Сначала резкое, оно становилось тише, тише и наконец смолкло. Выходило, что кто-то – один человек, судя по звуку, – уже прошел от реки по берегу и выбрался на дорогу.

Интересно...

А почему не было слышно, как он по воде шел? И вообще, второй-то путешественник где? В лодке остался?

Валерка не выдержал. Осторожно прошел по хлябающим доскам причала (когда-нибудь это шаткое сооружение возьмет да и рухнет в воду: вот повезет тому, кто в это время тут окажется!) в ту сторону, где в сваю ткнулась лодка. Опустился на колени и наклонился.

Только так можно было что-то увидеть в этом туманище!

А вот и лодка.

Лодчонка, можно сказать. Из тех, какие называют утлыми. Под банку¹ какие-то мешки затолканы, уключины покривились, на дне лужица. Справа и слева от носа были нарисованы глаза: один синей краской, другой зеленой. Синий – закрытый, зеленый – открытый. Это было смешно и необычно, но в этой лодке было еще что-то очень странное. Однако в чем эта странность, Валерка понять не мог.

Но самое главное – лодка была пустая.

Интересненько...

На воде разговаривали двое. Какой-то Уран (да нет, наверное, послышалось, таких имен не бывает, парня, видимо, зовут Юран!) и его мама. Поскольку она просила Юрана поскорей вернуться, легко догадаться, что в город ушел именно он.

Но где же мама? Куда делась из лодки? Прыгнула в воду и утонула?!

Валерка призвал на помощь логику и сообразил, что в лодке этого Юрана мамы нет, потому что ее там и не было. Сын разговаривал с ней по мобильному телефону, нечаянно включив громкоговоритель. Именно поэтому Валерка услышал ее голос.

Логика – великая вещь! Когда найдешь чему-то логическое объяснение, сразу становится легче на душе.

Беда только в том, что никакая логика не помогала понять, каким образом этот Юран умудрился попасть из лодки на берег, не издав ни звука, пока брел по воде.

Или он не брел? Или он перепрыгнул расстояние в три метра?

Валерка задумчиво смотрел на лодку.

Она тихонько покачивалась на волне, носом приткнувшись к свае, словно верный пес – к ноге хозяина. Сырая чалка² небрежно перекинута через перекладину между сваями. Не завязана накрепко, не прикручена намертво – просто перекинута.

А если ветер и течение отнесут лодку от причала? Или, скажем, кто-то решит похулиганить и сбросит веревку? Вернется хозяин – лодки и в помине нет. Разве можно этак легкомысленно добро бросать?!

Шут его знает, если бы этот неведомый Юран к берегу прошел, как все нормальные люди, шумно плеща водой, Валерка его лодку привязал бы покрепче. Но тот разозлил – слишком много загадок задал. Чувствуешь себя так, как будто тебя дураком назвали!

В общем, Валерка обиделся. Поэтому он свесился пониже, дотянулся до чалки и сбросил ее с перекладины. А лодку от сваи оттолкнул...

И тотчас на своем собственном опыте убедился в правильности известной народной мудрости, гласившей: «Не рой другому яму – сам в нее попадешь!»

Он не удержался на краю причала и кувыркнулся в воду!

Конечно, там было неглубоко. Воробью по колено! Поэтому Валерка неслабо ударился о дно спиной. Аж дух занялся!

Вынырнул, постоял, хватая ртом то, что было вокруг вместо воздуха: белую, сырую, тягучую туманную мглу. Немножко очухался.

Лодка качалась на воде неподалеку.

Это доставило Валерке какое-то мрачное удовольствие. Если повезет и поднимется ветер – лодку унесет-унесет! Вот Юран попляшет! Будет знать, как загадки загадывать и лодку непривязанной бросать!

Валерка побрел к берегу. Мокрое, чавкающее, плещущееся шлепанье его шагов разносилось, наверное, за километр.

Ч-черт, как этому Юрану удалось добраться по воде беззвучно?!

А, да ну его, еще голову из-за него ломать! Хорошо, хоть спину не сломал!

---

¹ Банка – поперечная перекладина, на которых сидят в лодках.

² Веревка, которую держат в лодке, чтобы цепляться за причал.

Валерка постоял на берегу, дрожа и отряхиваясь, как промокший пес. По идее, надо было рысью мчаться домой переодеваться. Противно, холодно – запросто простудиться можно! Но в таком тумане рысью не больно-то побежишь. Да и вообще лучше подождать, никуда не идти, а то еще заблудишься.

Валерка поднялся на причал и направился к тому самому месту, откуда только что свалился.

Опустился на колени, посмотрел вниз.

Лодка покачивалась на прежнем месте, приткнувшись к свае, словно верный пес – к ноге хозяина. Чалка болталась в воде.

И только сейчас Валерка сообразил, что именно показалось ему ужасно странным в этой лодке. Уключины торчали пустые, без весел. Не было в этой посудине весел!

И мотор, кстати, тоже отсутствовал...

То есть не было вообще ничего, что могло заставить лодку двигаться по реке.

Самые страшные сны приходили перед рассветом. Они приводили с собой рычащее чудище с горбом. Чудище было двулико, быстроного, многолапо, оно ревели и смердело! Четыре глаза ослепительно вспыхивали, и тогда из мрака выступали чьи-то искривленные туловища, стоявшие обочью дороги.

Туловища были безголовы, некоторые – безруки. Ног ни у одного не было. То ли сгнили, то ли им отрубили ноги те, кто поставил туловища здесь, – на устрашение таким же глупцам-удальцам, как Пашка.

Некоторые туловища были черные, как бы обугленные, некоторые – белые. Из белых торчали ножи, по которым струилась кровь.

Может быть, и Пашка будет вот так же стоять – уже скоро! – если не справится с чудищем... А разве возможно с ним справиться?!

Из затылка чудища торчали лапы, большие и маленькие, а еще в затылке были разноцветные глазенки, которые то и дело ехидно подмигивали Пашке, словно говоря: «А все, тебе копец, меня не остановить!»

Но Пашка пытался, честно, пытался! Выкручивал ему лапы, пинал так, что чуть ноги не вывихнул, но чудище, упав на четвереньки и мерзко воняя, перло и перло вперед что есть мочи.

Да, это было страшно. Страшным было собственное бессилие! Но Пашка знал: самое ужасное начнется, если чудище раскроет свой горб.

В горбе жил Черный Смерд.

«Зачем я это сделал?! – думал Пашка сквозь злые слезы. – Хотел героем себя показать! Дурак... Погибну ведь! Уже и сил нет!»

Чудище мчалось все быстрее.

Пашка знал: если не остановит его – погибнет!

Пашка знал, что не остановит его и погибнет...

И вот обрыв! Чудище, радостно взрыкнув, рванулось вперед. Пашка спрыгнул с его загривка, надеясь, что свалится в реку и, может, утонет, не будет мучиться перед смертью, однако горб чудища раскрылся, и Черный Смерд вырвался на волю. Ужасная, невыносимая, отнимающая дыхание, убивающая сознание, губительная вонь разлилась вокруг...

И в этот страшный миг, когда Пашка снова переживал гибель всего мира и свою собственную, он слышал далекий ласковый смех, и призывный голос, и радостный утренний гомон вокруг – и решался открыть глаза.

И понимал, что это всего лишь сон.

Сон, который пришел и ушел. И снова придет, и снова уйдет.

Уйдет!

Пашка вскакивал, бежал к друзьям. День проходил в хлопотах или играх, и только вечером, укладываясь спать, Пашка сжимался в дрожащий комочек в ожидании страшного сна и пытался понять – почему все это снится ему? Почему?..

Немедленно спасительная логика вновь пришла Валерке на помощь. Юран отлично знал нравы местного населения, которое готово спереть все, что плохо лежит, а потому снял весла или мотор и унес с собой.

К сожалению, логика тупо молчала в ответ на вопрос, почему Валерка не слышал ни звука из этого довольно шумного процесса. И так же он не слышал, как рокотал мотор или шлепали весла, пока Юран плыл по реке... Может, Валерка на то время оглох?!

Вдруг невдалеке на берегу захрустела галька.

Валерка всполошенно оглянулся. А что, если это возвращается Юран? Почему-то встречаться с ним не слишком хотелось...

Однако на причал поднялась какая-то девчонка. На ней болтался поношенный серый плащ, такой длинный, что приходилось подбирать его полы. Явно с чужого плеча. Вокруг реяли ключья тумана... Девчонка посмотрела на Валерку и сказала одобрительно:

– А ты молодец!

– В смысле?

– Я видела, как ты чалку в воду бросил и лодку оттолкнул, – пояснила девчонка. – Только это бесполезно, она все равно вернется.

– Откуда ты знаешь? Тоже сбрасывала, что ли?

– Было дело! – усмехнулась она.

– А почему лодка возвращается?

– Не знаю, – сказала девчонка.

– А она чья?

Девчонка пожала плечами:

– Да не знаю я! Но я ее ненавижу. Мне кажется, она на меня смотрит. То один глаз откроет, то другой.

– Да брось, они же нарисованные, эти глаза!

– Ну и что? – Девчонка неуступчиво насупила брови, которые казались проведенными тонкой кисточкой. – Все равно лодка смотрит!

Зябко ежась, она плотней завернулась в плащ. Но он был без пуговиц, и Валерка видел, что под этим старым плащом на девчонке надето линялое ситцевое платьишко, куцее и короткое, едва прикрывающее загорелые ноги.

Ноги были тощие и длинные, исцарапанные, в синяках. Видимо, им, по воле хозяйки, приходилось вести бурную и нелегкую жизнь.

Судя по всему, хозяйка ног была совершенной пофигисткой. Ни одна из знакомых Валерке девчонок – ни из его класса или школы, ни из его дома, ни из виденных на улице в Нижнем Новгороде и даже в Городишке – не вышла бы на улицу в таком затрапезном виде.

Плащ без пуговиц и линялое платье – это еще не все! На босу ногу были надеты кроссовки, убитые до такой степени, что невозможно даже понять, какого цвета они были раньше. Задники, конечно, стоптаны так, что кроссовки превратились в некое подобие шлепанцев. О шнурках, разумеется, и речи не шло, причем уже давно.

Черные кудрявые девчонкины волосы были, правда, заплетены в две косички, но произошло это, такое ощущение, во времена незапамятные, и с тех пор она их явно ни разу не перезаплетала и не расчесывала, так что кудряшки ее превратились в кудлы.

Мордашка была замурзанная и неумытая. И при этом – несмотря ни на что! – девчонка оказалась ужасно хорошенькой. Умылась бы, приделась – и хоть сейчас на школьный конкурс красоты! Или даже на городской. «Мисс Городишко – 2014».

Валерка невольно хихикнул.

Любая другая девчонка обиделась бы. Конечно обидно! Человек ее разглядывал-разглядывал – да вдруг засмеялся. А эта будто и не заметила ничего, только моргнула своими огромными черными-пречерными глазами, окруженными длинными, загнутыми, кукольными ресницами, и сказала:

– Будешь мокрый стоять – простудишься. Пошли.

Повернулась и быстро побежала по причалу. Спрыгнула на гальку – и тотчас пропала из виду. Валерка услышал ее торопливые удаляющиеся шаги – и вдруг испугался.

Туман словно бы *столтился* вокруг него. Он с каждым мгновением становился плотней, уже трудно было дышать...

– Эй, ты где? – раздался девчонкин голос, и Валерке чуть полегчало.

– Да я тебя не вижу! – заорал он – и услышал ее возвращающиеся шаги.

– Ах да, – сказала она. – Я забыла. Давай руку.

Валерка спрыгнул с причала и осторожно взял протянутые ему тоненькие теплые пальцы. Девчонка крепко сжала его руку:

– Пошли.

И уверенно шагнула в туман.

Валерка плелся за ней и думал, что еще никогда туман не был таким густым! Обычно можно было хоть что-то разглядеть в нескольких шагах, и фонари вдоль трассы, которые всегда включали во время тумана и которые служили, прямо скажем, истинными путеводными звездами и водителям, и пешеходам, помогали сориентироваться. Сейчас на расстоянии протянутой руки не было видно ни-че-го!

При этом девчонка шла так уверенно, как будто никакого тумана вообще не было.

– Ты что, видишь, куда идти? – спросил Валерка.

– Ну да.

– А туман?!

– Да он мне не мешает, – усмехнулась девчонка. – За это меня в кафе и держат. Куда угодно дорогу покажу. Вижу сквозь туман.

– Слушай, да ты феномен! Чудо природы! – восхитился Валерка. – Ты могла бы состояние сколотить у здешних браконьеров! Была бы у них лоцманом во время тумана. Ведь ни один рыбинспектор в это время на реку не сунется.

Пальцы, сжимавшие его ладонь, дрогнули и ощутимо похолодели.

– Нет, – буркнула девчонка. – Я реки боюсь. На причал еще могу подняться, но в лодку ни за что не сяду. Лучше умру.

Валеркина логика мгновенно сделала стойку. Теперь понятно, почему девчонка вся такая замурзанная! У нее водобоязнь. Водобоязнь – признак бешенства!

Ее укусила бешеная собака...

Девчонке в больницу надо. Срочно! Неужели никто из взрослых не понимает, что с ней? Бешенство ведь не лечится, это смертельная болезнь, но если вовремя сделать прививки, человека можно спасти.

Или уже поздно?..

– А давно это у тебя? – осторожно спросил Валерка.

– Что?

– Ну, водобоязнь.

– Какая водобоязнь, ты что? – повернулась она с изумлением. – Я в кафе знаешь, сколько посуды перемываю! Я боюсь только реки. И это у меня всегда, сколько себя помню.

- А сколько ты себя помнишь? – весело спросил Валерка, у которого отлегло от сердца.
- Две недели, – ответила девчонка.
- Всего две? – засмеялся Валерка. – А до этого не помнишь?
- Не помню, – сказала она так, что сразу стало ясно – не шутит.
- Так у тебя что, потеря памяти, что ли?! – испуганно спросил Валерка.
- Ну да, а что, нельзя? – отозвалась девчонка холодно.

Самые страшные сны приходили перед рассветом.

Васька снова и снова видел эти изувеченные существа...

Все они были живы еще недавно. До тех пор, пока не приходил Ванюша.

Ему не было их жалко. Они ведь были не люди! Они только и могли, что стоять да молчать, иногда махать ветками. Или шевелить веточками, будто пальцами.

Ванюша их мучил. Сначала отламывал пальцы-веточки. Потом ломал ветки-руки. И когда эти руки повисали как плети, брался за маленький острый топорик, который всегда носил за поясом.

Этот топорик он очень любил и норовил отточить его остро-преостро. Знал, что пригодится!

Эх, как же нравился Ванюше сочный и в то же время хрусткий звук, когда топорик входил в существо! Один удар – и рука, вернее ветка, отлетала. Другой – другая. И еще, и еще...

Раньше, когда он был еще слабосильный, с одного удара отсечь ветки не удавалось. Мучил, мучил свои жертвы... Если бы они могли кричать, их крики и стоны разносились бы по всей округе. Но они были немые. Что он, дурак – с говорящими связываться? Нарочно выбирал тех, кто не мог на помощь позвать.

Когда с руками жертв было покончено, приходил черед их тел. Ванюша доставал из кармана небольшой брусок и на нем вострил верхний край лезвия так, что оно становилось острым, будто перо. Теперь им можно было писать на телах жертв все что хочешь! И Ванюша писал, наслаждаясь тем, что никакая училка сейчас не стоит над душой и не мешает писать с ошибками. Иногда он нарочно их делал. Например, писал «Сдеся был ванька!», хотя знал, что имя надо писать с большой буквы. И не «сдеся», а «сдесь». Или нет... кажись, «здесь»...

А, какая разница! Чем больше ошибок, тем лучше! Пусть поржут те, кто потом посмотрит на эти изуродованные, изувеченные, испещренные следами пыток тела!

Сам Ванюша поржать очень, ну очень любил.

Если никто не видел, что он делает, не прибегал на звуки ударов топорика и не вызывал полицию, Ванюша мог целую ночь кого-нибудь мучить, тихонько трясясь от смеха или принимаясь ржать во весь голос.

Но днем был в этом занятии особенный кайфец! Днем Васька доставал из кармана увеличительное стекло и ловил выпуклостью солнце. В живую плоть ударял ослепительный луч, тело начинало чернеть, тлеть, а Васька водил и водил стеклом, терпеливо, аж высунув язык от усердия, и наконец получалось: «вы фсе казлы!» Или еще что-нибудь такое же прикольное.

Вообще все это было жутко прикольно. Только жаль, что это были всего лишь сны.

Сны про то, какую веселую жизнь Ванюша вел раньше!

А с другой стороны, хорошо, что это были только сны! Потому что весь кайф обламывал кто-то невидимый, в самый разгар Ванюшиных трудов хватавший его за горло и начинавший душить тонкими и очень длинными пальцами.

Но уже на самой грани умирания Ванюша просыпался, переводил дух, видел вокруг друзей, радовался беспечальной жизни, которую они вели все вместе, но где-то глубоко-глубоко в голове билась мыслишка: «Почему все это мне снится? Почему?»

В это мгновение откуда-то долетел пронзительный женский голос:

– Ганка! Ганка, ты куда, поганка, запропала?

– Я здесь! – заорала в ответ девчонка, которая, оказывается, носила такое поэтичное имя – Ганна.

Валерка мигом вспомнил «Майскую ночь» Гоголя, которую проходили по литературе в пятом классе. Очень может быть, Ганка, когда вырастет, станет такой же красавицей, как Ганна из «Майской ночи». Да она и сейчас уже очень даже ничего!

– Ну вот, – понизив голос, сказала Ганка, – Фаня зовет, пора вернуться в кафе. Наверное, надо или посуду мыть, или кого-нибудь сквозь туман провести. Пошли скорей, посидишь пока в моей комнате, обсохнешь.

По-хорошему, надо было идти не в придорожное кафе, а домой, и там поскорей переодеться, но туман сгустился уже просто до неприличия, в нем не только рассмотреть что-то – даже двигаться было непросто. Так же трудно бывает повернуть ложку в загустевшей сметане. Не в той, что под этим названием продается в магазинах, а в настоящей, деревенской.

Густая сметана – это хорошо.

Густой туман – плохо!

Валерка попросил бы Ганку проводить его домой, если она так хорошо видит в тумане, но было неудобно. Вон как орет эта Фаня! Как бы не было у Ганки неприятностей! Лучше подождать, пока она закончит свои дела и освободится.

Но главное, было интересно еще немного пообщаться с этой девчонкой, пусть даже похожей на бомжиху.

Валерка лично не был знаком ни с одним человеком, который потерял бы память, и, если честно, раньше считал это выдумкой. В сериалах, к примеру, теряют память все подряд, как будто память – это проездной билет или кошелек! А в жизни не встретишь таких людей.

Но, оказывается, встретишь! Вот, например, девчонка по имени Ганка, которая видит даже сквозь непроглядный туман. Желание расспросить ее подробнее об этой способности – это была вторая причина, по которой Валерка хотел еще не немного пообщаться с Ганкой.

А третья – узнать, почему она «сколько раз» отталкивала лодку Юрана от пристани. У них с Юраном какие-то терки, что ли? И она теперь с Валеркой против Юрана дружит?

Все эти непонятки классно разнообразили осточертевшую скукотищу повседневности.

Вообще денек выдался что надо! Сначала Юран со своей лодкой. Теперь Ганка.

Оба такие... загадочные. Ежики в тумане!

И вдруг Валерку осенило. Вообще это давно на ум должно было прийти... Судя по тому, как уверенно Юран причалил, судя по твердости его удаляющихся от берега шагов, он тоже видел сквозь туман!

Может быть, они родственники? У родственников часто бывают общие наследственные паранормальные способности. Но почему тогда Ганка моет посуду в придорожном кафе, в этой прокуренной, грязной забегаловке? Почему живет там? Почему подчиняется толстой, как подушка, краснолицей Фане с сильно подведенными глазами?

«Подушка» Фаня, встретившая Валерку и Ганку на пороге кафе, была облачена в «наволочку» с каким-то восточным узором. На ногах у нее оказались такие же стоптанные кроссовки, как у Ганки, только размеров на пять больше, и Валерка испугался, что и они родственницы. Не кроссовки, конечно (хотя почему бы нет?!), а Фаня и Ганка. У родственников сплошь и рядом одинаковые привычки! К примеру, Сан Саныч и Валерка жаворонки: у них привычка вскакивать в шесть утра. А у Фани и Ганки – стаптывать задники кроссовок...

Но Фаня обратилась к Ганке следующим образом:

– Явилась, приبلуда? Кого это ты привела? Еще одного утопленника беспамятного? Приبلуда – значит чужая, сделала вывод Валеркина логика. Не родня!

Валерка успокоился.

– Да почему беспамятного? – спросил он. – Я отлично помню, что я Валерий Черкизов, племянник Сан Саныча Черкизова. Начальника полиции. А мокрый потому, что с пристани сорвался. Ганка меня привела обсохнуть, в ее комнате посидеть. Но если вы против...

Дядьку он упомянул очень кстати! Фанино красное лицо вмиг стало белым, как туман.

– Чтой-та, чтой-та? – залопотала она. – Никто не против, никто! Но у нее в комнате тесно и... и не прибрано! Ты, Ганка, проводи Валеру домой, а те, на джипе, которые тебя ждут, еще подождут. До самого дома проводи, слышишь, поган... – Окончание Фаня проглотила, но легко было догадаться, что она хотела сказать «поганка».

Да, не надо быть великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, чтобы срифмовать «Ганка» и «поганка»! Надо быть злыдней, мымрой и мегерой.

Надо быть Фаней, короче говоря.

Валерка взял Ганку за руку и, не простившись с хозяйкой кафе, отошел от двери.

Можно представить, в каких условиях эта девчонка живет, если даже мегера Фаня признала, что нее в комнате «тесно и... не прибрано»! Небось тут и чулан под лестницей, в котором провел детство Гарри Поттер, показался бы хоромами!

Интересно, куда смотрят Ганкины родители? Хотя да, она беспамятная приبلуда... Наверное, ее спасли из реки. Может быть, упала с какого-нибудь прогулочного корабля? И что, никто не хватился?! Странно... А может, какая-нибудь слишком быстрая моторка, где была Ганка, наскочила на корягу и все свалились в воду, а Ганку выбросило на берег, где ее подобрала «милосердная» Фаня? Но тогда почему полиция не ищет ее родных?! Или ищет, но не может найти, потому что никого не осталось? Все погибли в той лодке?

Надо Сан Саныча спросить.

Сначала Ганка и Валерка шли в тумане по узкой обочине шоссе. Обычно здесь не слишком-то находишься – федеральная трасса днем и ночью гудом гудит от машин, – однако туман напрочь закупорил дорогу. Можно представить, какие очереди собрались с обеих концов Городишка!

Потом Валерка почувствовал, что под ногами уже не щебенка обочины, а комковатый, потрескавшийся асфальт. Значит, вошли в город. А он ни о чем еще не поговорил с Ганкой!

– Слушай, как ты терпишь, что Фаня так на тебя орет? – спросил сердито. – И одежда у тебя... ты уж извини...

– Просто я слишком быстро расту, – беспечно ответила Ганка. – Оттого на мне все горит. Ужас просто. А Фаня еще ничего. Ей охота меня куда-нибудь девать, а я никому не нужна, вот она и орет.

– Все равно мегера! – проворчал Валерка.

– Да разве это мегера? – усмехнулась Ганка. – Не видел ты мегер.

– А ты видела?

– Видела.

– Где?

Ганка пожала плечами:

– Не помню.

– А мегеру помнишь?

– Нет. Да...

Пальцы Ганки, сжимавшие Валеркину руку, задрожали, и она, обернувшись к нему, с ужасом прошептала:

– Помню! Ее помню! Веру-мегеру!

И вдруг крикнула:

– Светлое, всесветлое солнце! Дети Вселенной, дети звезд, ветров, дождей, дети леса и травы приветствуют тебя! Помню! Мегера!

Глаза Ганки были зажмурены, слезы текли из-под кукольных ресниц. И она ужасно дрожала, ну просто вся ходуном ходила!

Валерка даже стухнул малость и ничего не мог сказать. Только таращился на нее. И вдруг юношеский голос, почему-то показавшийся Валерке знакомым, воскликнул над их головами:

– Маша! Машенька! Это ты? Нашлась? Подожди, я сейчас!

Раздался треск. Похоже было, что кто-то спускается с дерева и ветки трещат под его тяжестью.

Ганка распахнула огромные черные глазищи, взглянула на Валерку умоляюще, приложила палец к губам, потом нагнулась, сорвала с ног свои бахилы – и, босая, бесшумно канула в туман. А через миг перед Валеркой очутился, спрыгнув откуда-то сверху, парень лет восемнадцати в черном комбинезоне с эмблемой «Горзеленхоз» на груди. За пояс у него были заткнуты ножницы-резак, которыми подстригают ветки.

Ну надо же! Вот, значит, кто тут деревья в таком порядке содержит!

Валерка уставился на парня. Неужели это именно от него со сверхзвуковой скоростью удрала Ганка? Все девчонки, которых Валерка знал, с той же скоростью бежали не *от* этого парня, а *к* нему. Он был просто красавчик: зеленоглазый, с белыми волосами, тонкий и высокий. Но Ганка бежала именно *от*. И умоляла Валерку молчать...

– Кто тут кричал? – спросил парень.

И тут Валерка узнал его голос. Это был голос Юрана.

Того самого, который приплыл на лодке с нарисованными глазами. Один глаз синий, другой зеленый. Синий – закрытый, зеленый – открытый.

Что ж он такое сделал, что Ганка его так боится? Или она все же Маша?..

– Кто кричал, спрашиваю? – повторил Юран.

– А ты не видел, что ли? – буркнул Валерка.

– Не видел: ветки мешали, – парень поднял руку к раскидистой кроне дерева, с которого спустился. – Где она?

– Кто? – спросил Валерка на голубом глазу.

– Ну, она... Маша.

– Не знаю я никакой Маши! – заявил Валерка. – Я в тумане заблудился, даже нечаянно в реку забрел, чудом до дороги добрался, иду ищу свой дом – и вдруг рядом кто-то ка-ак заорет жутким голосом про солнце... ну и про каких-то детей, которые его приветствуют. А кто орал – я не разглядел.

Юран пристально поглядел на Валерку:

– А ты вообще кто? Я тебя раньше не видел.

– Я тебя тоже, – сообщил Валерка, ничуть не кривя душой.

– Ну, меня многие не видят, – усмехнулся Юран. – Я на вершине! Люди идут по земле и редко поднимают голову.

«Ну и хвастун ты! На вершине, подумашь!» – чуть не ляпнул Валерка, но вовремя сообразил, что Юран вовсе не хвастает: он, так сказать, по долгу службы смотрит на всех свысока. В самом деле, кто из прохожих задирает голову и разглядывает вершины деревьев, ну кто?

– Я племянник Сан Саныча Черкизова, – отрекомендовался Валерка. – В гости к нему приехал. Из Нижнего. Меня Валеркой зовут. А ты кто?

– Уран Белов, – ответил тот.

– Уран?! – изумился Валерка.

– Ну да, такое имя, – усмехнулся парень. – Но меня обычно Юраном называют. Так привычней, да? Ну, Валерка, пойдем, я тебя провожу. Тут, правда, два шага до дома Сан Саныча, но в тумане заблудиться легче легкого.

– А ты сам не заблудишься? – сыграл дурачка Валерка.

– Я – нет, – спокойно сказал Юран. – Я и в тумане отлично вижу. Давай руку, чтобы не потерялся.

Валерка протянул ему руку. Ладонь у Юрана оказалась узкой, с длинными «музыкальными» пальцами, но очень жесткой, мозолистой. Конечно, держать резак непросто, крепкие руки нужны. Но почему-то от прикосновения этой крепкой руки Валерке сделалось очень не по себе...

Проще говоря, страшновато.

– Вера!.. Вера!..

Она с насмешливой укоризной покосилась на зеленых зайцев, которых из разных мест привозил Уран. Они, расшалившись, вплетали ее имя в мелодию.

Вера кивком указала ввысь: вот, мол, кому молитва предназначена, не забывайте, малыши!

За пределами острова еще лежал туман, и самое малое час будет лежать, а здесь наконец-то разошелся. Солнце во всей красе явилось обожающим взорам.

Опираясь на плечи лиственниц и берез, окруженная зелеными зайцами, которые уже привыкли к высоте и не боялись, Вера самозабвенно пела вместе со всеми лесными обитателями дневную молитву:

– Светлое, всесветлое солнце! Дети Вселенной, дети звезд, ветров, дождей, дети леса и травы приветствуют тебя!

Счастливо звенели рядом птичьи голоса, а деревья подтягивали низко, протяжно, даже сурово. Снизу, с земли, вторила трава Кликун – та, что кличет человеческим голосом по зорям дважды: «У! У!», и еще ревела и стонала, думая, что тоже поет, трава Ревяка.

Голоса осины не было слышно.

Вера вздохнула с облегчением. Осины-предательницы больше нет. Она получила по заслугам!

Но вот молитва закончилась.

Птицы вспархивали с вершин, звери спускались степенно, зеленые зайцы скатывались мячиками. А лиственницы все качали и качали Веру, потом березы затеяли переплетать ей косы, пока она не спрыгнула наземь и не убежала.

Надо было спешить к дубу Двуглаву. Еще ночью слышала Вера его стоны: столетние корни мозжат! – но сын не велел ей подниматься, сам сходил и немного успокоил старика. Уран хорошо научился лечить деревья. И вообще, он все больше материнских хлопот берет на свои плечи. И уже сам иногда совершает те деяния, которым когда-то научила его мать. Иногда Вере кажется, что без некоторых из них можно было бы обойтись, но уговаривать Урана перестать она пока не решалась, хотя и тревожилась за него.

Сын был горяч... Он только рыбаков миловал, ибо Городишко рекой издавна живет и людям надо чем-то зарабатывать. А к прочим врагам жизни он мог быть очень жестоким, Вера знала!

Ей даже иногда бывало жалко тех, кого он...

Нет! Они это заслужили. Они все это заслужили своими страшными деяниями! Одни совершили их нечаянно, по неосторожности, как Пашка, например, а другие – нарочно, как Ванюша, Васька и другие. Но все же самой страшной виной была вина Машеньки. Но и ее Вере

было жаль. Беспокоилась: ну что с ней, бедняжкой? Неужели утонула?.. О страшном думать не хотелось.

Если Машенька погибла, на кого падет этот грех? На Урана, который ее сюда привез? На Веру, которая недосмотрела? На предательницу осину?..

Деревья беспрерывно кланялись идущей. Вера еле успевала отвечать. Но можно ль было хотя бы не кивнуть, не глянуть приветливо?! Обидятся смертельно, зачахнут! Вот вчера – забылась, задумалась, не коснулась верхушки травы Петров Крест, желтоцветной, многомудрой, и сегодня та, оскорбившись, уже перешла куда-то в иное место. А меньше чем за полверсты и не ищи ее, не надейся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.